

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ НЕСГОРЕВШЕЙ РУКОПИСИ

Роман Бориса Житкова «Виктор Вавич» получил поощрительную премию Антибукер по номинации «Братья Карамазовы»

Независимая газета. - 2001. - 18 окт. - с. 7

Андрей Волос

В СЕГДА было странно слышать в адрес Бориса Житкова цеховое определение — детский писатель.

Разумеется, дети тоже могут читать его книги. Потому что дети должны читать лучшие образцы мировой литературы. Стивенсона. Уэллса. Толстого. И другого Толстого. А также Пушкина. В этом смысле все перечисленные авторы (и многие, многие другие) — это, конечно же, детские писатели. Главный признак детского писателя — это текст, представляющий собой чистейший дистиллят смысла. Ничего лишнего — ни слов, ни обстоятельств. И все — правда.

Борис Житков сочинял сравнительно короткие рассказы и повести — предельно достоверные, насыщенные материалом (другой бы на целый роман развез), деловым и сдержанным тоном похожие на репортажи. Однако резко отличающиеся от последних некими подземными *погромыхиваниями* — должно быть, отголосками того ужасающего грома, под который каждодневно сшибаются друг с другом регулярные части зла и ополчение добра, вооруженное, как правило, одной винтовкой на четверых.

И вдруг — роман. «Виктор Вавич». Оказывается, писался более пяти лет. Был закончен в тридцать четвертом. Автор умер в тридцать восьмом — и даже не в лагере, а в собственной постели. Оказывается, в начале сорок первого роман был даже напечатан. И тут же пушен под нож. Один экземпляр остался в Ленинке. Другой был украден Лидией Корнеевной Чуковской из типографии. Такие дела... А что, рукописи и вправду, что ли, не горят?

Открываешь его — как вокзальные двери распахиваешь: еще секунду назад было тихо, но вот поднялся обложку... и вдруг из-под нее ошеломительно громко и страшно — гам! рев! беготня! плач! гудки! копоть! толпа! и лютый сквозняк...

Трагующий явления чрезвычайно масштабные, эпохальные (фактически — первую русскую революцию; метафорически — как из некоего города, охваченного хаосом борьбы за светлое будущее, «отлетел свет», — не шутка!), роман при этом написан с той скрупулезностью языка и мотивировки, с тем вниманием к деталям, с той экспрессией и смелостью резких и вместе экономных мазков, единым махом очерчивающих образы людей и обстоятельств, которые встретишь далеко не в каждом рассказе, не то что уж в вещи такого объема. Кроме того, в каждой главе — своя коллизия, свой конфликт; своя завязка, кульминация, разрешение. А все вместе — сложно построенный, многослойный и увлекательный роман: мозаика положена плотно, и мелкие бусины художественно разрешаемых противоречий безошибочно

ВИКТОР ВАВИЧ

Борис Житков

ложатся на единый стержень повествования, настоящей работой на главное.

Читаешь его с редким по нашим временам чувством сожаления — ведь читать в первый раз можно только однажды, — с поминутным оглядыванием: сколько осталось? да неужели кончается?! На каждой странице — роскошество естественной русской речи, используемой чрезвычайно наблюдательным человеком. Шляпу чистят «внимательно — в полях, в закоулках». Афишная тумба стоит «как баба в заплатках, вылятив пузо». Наденька «диктовала Филиппу, а он, свернув голову коном, выводил буквы...». Идет снег, «и сразу из дверей белая улица глянула веселым белым светом... и стоял в белом снегу беззаботный звон извозчичьих бубенцов». А девушка «пошла тонкими каблучками по зеркальному паркету, и черным факелом шло внизу отражение».

Однако автор не собирался ни открывать «лавку метафор», ни рафинировать свою речь, добиваясь сладостной ее крупитчатости. На первых ролях в этой стремительно развивающейся, до самого своего завершения не теряющей темпа пьесе — люди. Их много. Целый город. Целая толпа — но толпа не безлика. Каждый выделен лучом заботливого, изобретательного, наблюдательного внимания. Язык не поворачивается называть этих людей «персонажами». Ну разве

Виктор Вавич — персонаж? Да нет же, живой человек из плоти и крови — в сияющих, скрипящих ботфортах, при погонах — «погребальные, серебряный галун по черному полю». Вот он впервые надевает форму, вертится перед зеркалом. «...Виктор на ходу видел, как в зеркале в шкафу прошел кварталный — и это он скрипел сапогами». Мир его скуден и жалок; в метели жизни он не может разглядеть ни одного сколько-нибудь действительного ориентира — и потому жизнь несет его, кружит, морочит и доводит до гибели. Но при этом он не молеет, не сжема; он встает со страниц романа живым и понятным: и потому его страдания — страдания жалкого, замороченного и подлого человека — не могут не тронуть. Сашка Тиктин? Надя? Таинька, поглощенная любовью к еврею-флейтисту? сам Израильсон? — персонажи? Да полноте — нам бы, живым людям, быть такими персонажами!..

Роман вышел в 2000 году в издательстве «Независимая газета». Михаил Позднеев завершает свое краткое предисловие к роману такой фразой: «Книга последнего великого писателя, открываемого нами в XX веке».

Век и впрямь кончается. Писатель действительно великий. Но, боюсь, загибы русской истории еще могут нас удивить. Нет, нет, поймите правильно — конечно, лучше, если бы «последнего»... ■